

Это твоя сыновья, Москва!

СУРОВЫМ летом 1941 года, когда гитлеровские полчища рвались к советской столице, в Москве создавалось народное ополчение.

В числе первых добровольцев были доцент Московской консерватории, солист Всесоюзного оркестра, один из популярнейших советских певцов Александр Иванович Окаемов и художественный руководитель хора Московской филармонии Геннадий Павлович Лузенин. 9 июля они ушли на фронт. Это было восемнадцать лет назад.

Но до последнего времени судьба А. И. Окаемова и Г. П. Лузенина оставалась неизвестной. И вот недавно документы и живые свидетели повели нам героическую историю двух москвичей.

НЕСКОЛЬКО десятков метров от дороги, где остановилась черная тюремная машина, до места расстрела на пригорке — вот их последний путь.

Босые, изрезанные о твердый наст ноги оставляли кровавый след на снегу. Сзади и по сторонам, отворачиваясь от лютого февральского ветра, с автоматами наперевес шли сосисы.

Все ближе и ближе пригорок. Чернота могильных ям отчетливо вырисовывалась впереди. О чем думали в эти последние минуты Окаемов и Лузенин?

На предсмертной исповеди люди не лгут. Окаемов и Лузенин смело смотрели в лицо смерти. Их совесть была чиста. Они не даром прожили жизнь.

I.

ОКАЕМОВ давно не волновался так, как в этот вечер. И только когда концерт закончился, он почувствовал, каких трудов стоила ему премьера. Сегодня впервые прозвучали новые, замечательные со-

А. И. Окаемов.

ветские песни, и он — не просто исполнитель, а один из авторов концерта. Только теперь он понял, что не просто в знак дружбы посвятил ему свои песни Мясковский. Они действительно работали вместе, втроем: поэт, композитор и артист.

Окаемов подумал о том, как родилась мысль о концерте. Однажды он показал Мясковскому новые стихи Шипачева и разметался вслух о концерте песен на эти стихи. Композитор увлекся идеей пьесы. Загорелся и Шипачев.

Вдохновенно работали все трое над новым концертом. И вот сегодня, когда замерли последние зву-

ки, он пел замечательные русские и советские песни, яростно спорил, отстаивая принципы русской вокальной школы, и боролся за родное искусство, пропагандистом которого всегда себя считавал.

Артист первым исполнял новые песни советских композиторов, и они зачастую писали специально для него. И Александр Окаемов пел радостно и вдохновенно, так, как может петь только очень счастливый и влюбленный в свое творчество человек.

...Вспомнилось, как уходил на фронт.

У Краснопресненской заставы в здании школы — сборный пункт. Здесь уже Лузенин, Дьяков, Ютанов, Шотниев... Последние слова прощания, музыка, цветы. В это жаркое июльское утро Окаемов особенно остро почувствовал великую ответственность солдата за судьбы Родины, столицы, близких и дорогих людей.

Осенью Краснопресненская дивизия стояла под Москвой. Окаемов был тогда художественным руководителем ансамбля песни и пляски, который создали в соединении артисты консерватории. Пока дивизия не принимала участия в боях, они давали концерты. По делам ансамбля Окаемов приезжал в Москву.

Под его башмаками гудко стучал асфальт тротуаров. Крест-накрест заклеенные окна. Озабоченные, изменившиеся лица москвичей. Топы у газетных киосков.

На лестнице в филармонии он столкнулся с Чернецким. Увидев Окаемова в гимнастерке и обмотках, главный дирижер Красной Армии недоверчиво сощурил глаза:

— Александр Иванович! — загудел его бас. — Вы ли это?

В нескольких словах Окаемов рассказал о событиях своей жизни в последние месяцы. Генерал нахмурился:

— Вот что, Александр Иванович, куда я вас больше не отпущу. В часть не возвращайтесь. Я оформлю ваш перевод в ансамбль Наркомата обороны. — И, заметив протестующие жесты Окаемова, добавил: — Ведь вы там тоже в ансамбле! Так какая вам разница?

Считая разговор оконченным, главный дирижер спустился на несколько ступенек. Теперь Окаемов стоял выше его.

Он очнулся в холодном бараке. Тело нестерпимо болело. Пошевелил руками — как будто цепи. На лице запеклась кровь: по голове ударили прикладом. И вдруг он вспомнил, что произошло. Острее боли ужалила мысль: плен.

Десятки человек. Знакомые, чужие. Сумерки проникали сквозь щели барака и тускнели в остановившихся глазах людей. Плен.

Снег прикрыв обожженную землю, ветер разровнял его белой скатертью, и не стало видно ни глубоких воронок, ни траншей, ни окопов. Снежные шапки легли на руины зданий. И эта зима, словно белым халатом прикрывшая следы разорения, больно обжигала русское сердце.

По заснеженным дорогам войны немцы гнали пленных в наскоро устроенные лагеря.

III.

ПОЖАРИЩЕ, бывшее еще недавно рабочим поселком, обнесенное рядами колючей проволоки, напоминало остров, отрезанный от всего мира. В нескольких ветхих бараках ютились сотни пленных; тысячи были лишены и этого крова. Обессиленные, они лежали прямо на снегу, и умирали от стужи, голода и тифа. По утрам вереницы саней вывозили трупы к огромному рву. Для 18 тысяч человек он стал могилей.

Пленные должны были восстанавливать Кричевский цементный завод, близ которого расположился лагерь. Но проходили месяцы, а гигантская заводская труба по-прежнему не дымилась. Портилось оборудование, исчезли ценные части машин. Враг не получал цемента, нужного ему для того, чтобы строить линии укреплений.

Вот в этот Кричевский лагерь смерти и попали в конце 1941 года Окаемов и Лузенин.

...Прикрывая друг друга от надсмотрщика, друзья осторожно снимали с отремонтированной машины шестерню. Теперь нужно сбить хотя бы один из зубов и поставить шестерню на место. Оглянувшись, Лузенин встретился с пристальным взглядом тут же отвернувшегося человека. Лузенин толкнул Александра: «Следят».

День прошел в тревожном ожидании ареста. Но их никто не трогал. Вечером друзья опять столкнулись с этим человеком. Его голубые глаза смотрели так же пристально.

— Нужно осторожнее, — тихо сказал он Лузенину.

— Вы о чем?

— Да все о шестеренке...

Так они познакомились с Николаем Кулешовым.

Мысль о победе не давала покоя всем трем. Мысль о победе жила в сердцах тысяч других пленных. А сияя лента бора виднелась совсем недалеко. Но между бором и измененными, обреченными на смерть людьми стояли ряды проволоки и караульные вышки. Каждый, кто приближался к проволоке, ограждавшей лагерь, падал, срезанный автоматной очередью. И все же друзья искали пути на волю.

Спасение пришло неожиданно. В лагерь явился бургомистр Кричева и стал отбирать наиболее здоровых пленных для тяжелых работ в городе. Спусти несколько дней его примеру последовал и местный поп, выхлопотавший разрешение набрать певчих для хора. В воскресенье — петь, шесть дней — работать. В эту группу попали Окаемов и Лузенин. Поп недоверчиво оглядел их и под охраной конвойных повел в город.

IV.

ЧЕРЕЗ эти ворота выносили лишь мертвых. И вот они прошли че-

Быль

...Вечерело. Друзья возвращались домой. Длинная улица с вросшими в землю деревянными хатами — окутана тьмой. Безлюдно, лишь одна невысокая фигура чернеет вдали. Они поравнялись. Человек обернулся — артисты увидели перед собой Кулешова.

Его взяли на работы в городе, и он тоже избежал смерти в лагере. — Превращен во вьючную лошадь, так же, как и вы, впрочем, — невесело пошутил он. Потом стал серьезным и сказал тихо, со злостью:

— Из одного рабства — в другое. Там хоть можно было машины портить, а здесь — если я буду плохо пилить дрова, меня просто пристрелят, вот и все.

Бургомистр был недоволен. Уже несколько недель он пытается заставить этих двух пленных артистов пойти на службу в управу, а те хитрят. Вот и сейчас они стоят перед ним, в его кабинете: широкоплечий, спокойно улыбающийся Окаемов и нахмурившийся, теребящий рыжую шевелюру Лузенин.

— Вы артисты, интеллигентные люди, — мягко говорил бургомистр, — вам не пристало заниматься физическим трудом. Немцы ценят культуру, вы легко найдете общий язык. Прекрасная жизнь перед вами. И я хочу помочь вам... Вы должны работать в управе, господа!

И опять бургомистр видел перед собой безразличные, непонимающие лица:

— Мы ведь с канцелярской работой не знакомы. Какая от нас польза в управе?

И под конец:

— Ну, мы еще подумаем.

Эта мысль пришла в голову сразу обоим. А что если попробовать?

Через несколько дней они сами явились к бургомистру. Старый, тучный предатель победно смотрел на них.

— В управе мы действительно работать не сможем. А вот если позовите, хор, самодеятельность мы бы организовали. Можем дать концерт для офицеров, если хотите.

Тяжелый взгляд бургомистра устался на артистов.

— Хор? Управы не подходит? Концерт? Для офицеров? Ну что же, пускай, только смотрите у меня. Но работать будете, как и прежде.

В самодеятельный хор набралось много народу. Разучили несколько песен. Выступили перед офицерами. Потом еще раз. Наконец, получили разрешение дать концерт для жителей Кричева.

...Лузенин осторожно выглянул из-за занавеса: немцев мало, а главное — нет полицаев и прочих предателей.

Хор спел несколько песен. Потом Лузенин сел за рояль, Окаемов в ватнике и обмотках вышел на сцену. Он тихо, точно самому себе, сказал: «Ария Игоря» — и запел. Его голос сотрясал маленький зал: «О дайте, дайте мне свободу... я Русь от недруга спасу...».

зал: дух боевой в наших людях поддерживать не менее важно, чем немецкие поезда под откос пускать. Ты так и передай артистам.

VI.

МАРУСЯ Толкачева работала в немецкой комендатуре и была вне всяких подозрений у оккупантов. Жители города неodobрительно смотрели на веселую, энергичную девушку. Со стороны казалось, что она очень довольна жизнью.

И Маруся действительно была довольна. На то у нее были свои причины.

...Когда Кулешов предложил артистам зайти к Толкачевой, Окаемов и Лузенин искренне удивились.

...В окна бил суровый осенний дождь. Казалось, со всех сторон лонится кто-то в маленький домок.

Так, как будто на свете и вовсе не было войны, на столе дымилась чай, а гости говорили об искусстве, шутили, рассказывали забавные истории. Они смеялись, но были настроены, говорили обо всем, но не о том, что в действительности волновало их.

Мария встала и вышла из комнаты. Окаемов вопросительно посмотрел на Кулешова. Тот чуть улыбнулся. В комнате царил молчание. Через несколько минут Маруся вернулась.

— У искусства много жанров, но главный сейчас — вот этот. — Она протянула артистам сверток. Окаемов развернул его и прочитал: «Дорогие товарищи! Советские граждане! Фашистские захватчики терпят одно сокрушительное поражение за другим. Красная Армия наносит удары по врагу, и наш долг — всеми силами помогать матери-Родине в ее борьбе с Гитлером и его бандитами...».

Окаемов внимательно посмотрел на Марию, потом на Кулешова и Лузенина...

— Листовки нужно распространять в церкви и на базарной площади, — тихо, но твердо сказала девушка.

— Чье поручение? — быстро спросил Александр Иванович.

— Тех, кто имеет на это право, — скупо ответила Мария.

— Но мы... — начал было Лузенин, привычным жестом лохматя огненно-рыжие волосы.

— Вы — москвичи, и на вас смотрят многие. Мы верим вам.

Листовки появлялись в церкви и на базаре, кто-то расклеивал их на заборах, кто-то занес их даже в лагерь военнопленных. Окаемов и Лузенин чувствовали, что немало людей, кроме них, ведут борьбу. Каратели сбивались с ног в поисках подпольщиков. Но никто не думал, что хрупкая девушка из немецкой комендатуры и двое пленных артистов и есть те люди, которых ищут фашисты.

...Лузенин дождался, пока старики ушли из хаты. Он притворил за ними дверь и несколько секунд, стараясь не дышать, прислушивался к пропадающим вдали шагам.

— Можно, — обернулся он к Окаемову.

Александр повернул выключатель и, наткываясь в темноте на стулья, стал занавешивать окна.

— Все в порядке.

Лузенин включил свет.

— Левое прикрой плотнее, оно на косогор выходит, его, как костер в поле, издали видно.

Сидя на корточках, друзья долго копались в каком-то продолговатом, неоноватного цвета ящике. Наконец, он замигал тусклым светом, захрипел и вдруг заговорил отчетливо и неторопливо: «От Советского Информбюро...».

хладу лесов, убаюкивающий плеск волн. Его обступали русские деревни и кавказские аулы, слышался звонкий смех девушек, выдвигались стремительные пляски парней. С ним перекинулись гудки заводов, ему подпевали станки и подмигивали огни копров. А в лицо радостно и открыто смотрели свободные люди, среди которых он жил и для которых шел.

Не думал тогда Окаемов, что тайком придется ему слушать свою песню, а на широких полях его страны будет хозяйничать враг.

Лузенин диктовал названия пунктов, освобожденных в последние дни Красной Армии. Кулешов отмечал по карте новую линию фронта. Она неудержимо перемещалась на запад. И не было большей радости у Окаемова, Лузенина, Кулешова, Толкачевой и сотен тысяч других борцов, чем узнавать об успехах советских войск и сообщать об этих успехах людям. И если сегодня лишь несколько человек знали о новых победах Красной Армии, то завтра всей Кричевщине рассказывали об этом листовки.

Они многое делали в последнее время и теперь с улыбкой вспоминали, как еще недавно томилась в бездальности. Ни тяжелый труд, ни скудный паек — кусок хлеба из жидкой — не тяготили их теперь. Все мысли, все чувства артистов были подчинены борьбе. Они знали, как велики опасности, грозившие им, и смело шли навстречу этим опасностям. Они слышали гром приближающейся канонады и знали, что сумеют достойно встретить освободителей.

Они многое делали в последнее время и теперь с улыбкой вспоминали, как еще недавно томилась в бездальности. Ни тяжелый труд, ни скудный паек — кусок хлеба из жидкой — не тяготили их теперь. Все мысли, все чувства артистов были подчинены борьбе. Они знали, как велики опасности, грозившие им, и смело шли навстречу этим опасностям. Они слышали гром приближающейся канонады и знали, что сумеют достойно встретить освободителей.

Они многое делали в последнее время и теперь с улыбкой вспоминали, как еще недавно томилась в бездальности. Ни тяжелый труд, ни скудный паек — кусок хлеба из жидкой — не тяготили их теперь. Все мысли, все чувства артистов были подчинены борьбе. Они знали, как велики опасности, грозившие им, и смело шли навстречу этим опасностям. Они слышали гром приближающейся канонады и знали, что сумеют достойно встретить освободителей.

Они многое делали в последнее время и теперь с улыбкой вспоминали, как еще недавно томилась в бездальности. Ни тяжелый труд, ни скудный паек — кусок хлеба из жидкой — не тяготили их теперь. Все мысли, все чувства артистов были подчинены борьбе. Они знали, как велики опасности, грозившие им, и смело шли навстречу этим опасностям. Они слышали гром приближающейся канонады и знали, что сумеют достойно встретить освободителей.

VII.

РЕЗКИЙ окрик нарушил тишину ночи:

— Отворяй!

Голос не оставлял сомнений в решительности приказа. Сонная старуха, крахтя, сползла с печи и заковыляла в сени.

— Шнелль, отворяй!

— неслись злобные крики из-за ходившей дуном двери.

Старуха откинула занавес. В хату ворвались несколько офицеров. Окаемов не успел подняться, как получил удар рукояткой нагана.

— Вставай! — прокричал по-немецки офицер. Окаемов оглянулся, судорожно сжал кулаки. Выхода не было. И тогда он стал спокоен и нетороплив.

Перепуганная старуха стояла, прижимаясь к печи, готовая заголохнуть.

— Не надо, — мягко сказал Лузенин, — не надо. Мы скоро вернемся.

— Варевки-то хоть возьми, соколик, — не выдержала старуха. — Мороз ведь.

Будто на прогулку, спокойно вышли они из хаты. Автоматы уперлись в спины.

Их привели в гестапо.

...Бетонные стены, бетонный пол, железная решетка на щели под потолком. Два метра туда; два метра обратно. Но и этого слишком много. Окаемов не может двигаться. Шумит в ушах, плотная пелена стоит перед глазами. Тело почернело от побоев, выбиты зубы, вывихнута рука. Он не помнит, как его пытали, или не хочет вспоминать...

...«Папа, где ты? Когда ты вернешься? Мы ждем тебя». — где-то

ган Витя Дудин пробрался в тюрьму и передал в камеру гранату, нагая и штгы. Был дан сигнал: «Готовьтесь к побегу».

Но когда на город спустилась ночь, с воли сообщили: в Кричев вошла крупная часть, направляющаяся на фронт. И через стены пошел новый сигнал: «Отставить».

Где рация? Где партизаны? Как кем был связан в Кричеве? Каким десантом был сюда заброшен? Вопросы чередовались с ударами. Палками, сапогами, рукоятками наганов. Выламывали руки. Подвешивали над огнем...

По беспорядочным вопросам москвичи поняли, что гестапо не знает о них ничего определенного. Артисты сильнее стиснули зубы.

— Где рация? Где партизаны? — Не знаю.

И снова удары.

— Он опять потерял сознание, — сказал один из гестаповцев.

— Полей его холодной водой, — ответил начальник.

И будто из могилы снова голос:

— Где рация? Где партизаны? Если хочешь жить — говори!

Молчание. ***

Наконец, часть ушла. Снова сигнал: «Приготовиться к побегу».

Вечер 19 февраля 1943 года. Сбиты замки. Сняты часовые. Кулешов ворвался к москвичам, которых после последнего допроса бросили в одну камеру.

Нет времени на дружеские объятия. Только стиснутые до боли пальцы рук.

— Бежим, друзья!

Окаемов приподнялся на локте.

— Счастливы, товарищи! Бегите. Вы спасетесь. А моя песня уже спета. Из-за меня погибнете вы. Прощайте!

Лузенин в упор посмотрел на Кулешова.

Г. П. Лузенин.

— Я тоже не хожу. Дальше ста метров не убогу. И Александра бросать не хочу. Вместе жили, вместе умирать. Торопиться, друзья.

Несколько минут длилась перестрелка. Почти всем удалось уйти. Только тяжелораненый Кулешов вновь попал в руки гестаповцев.

Пригорок. Ров. Смерть смотрела на них черными стволами автоматов. Поддерживая друг друга, Окаемов и Лузенин встали у края своей будущей могилы и повернулись лицом к палачам. Где-то рядом в сторону столицы уходил

мали в эти последние минуты Окаемов и Лузенин?

На предсмертной исповеди люди не лгут. Окаемов и Лузенин смело смотрели в лицо смерти. Их совесть была чиста. Они не даром прожили жизнь.

I.

ОКАЕМОВ давно не волновался так, как в этот вечер. И только когда концерт закончился, он почувствовал, каких трудов стоила ему премьера. Сегодня впервые прозвучали новые, замечательные со-

А. И. Окаемов.

ветские песни, и он — не просто исполнитель, а один из авторов концерта. Только теперь он понял, что не просто в знак дружбы посвятил ему свои песни Масковский. Они действительно работали вместе, втроем: поэт, композитор и артист.

Окаемов подумал о том, как родилась мысль о концерте. Однажды он показал Масковскому новые стихи Шипачева и разметался вслух о концерте песен на эти стихи. Композитор увлекся идеей певца. Загорелся и Шипачев.

Вдохновенно работали все трое над новым концертом. И вот сегодня, когда замерли последние звуки рояля и зал расколотся в гоме аплодисментов, создатели концерта пожинали плоды своего труда. Для Окаевова это был новый этап в его творческой биографии.

Но вот совершилось то, что угрожало в тревожном тоне газетной информации, — пришла война.

Словно непреодолимый барьер отделил от него жену, двухлетнюю дочку, творческие планы... Окаемов решил: с момента начала войны он становится солдатом.

...Темно. Так темно, как не бывало никогда. Почему так темно? И вдруг — ослепительный свет прорезал небо. Ракета повисла в воздухе, рассыпалась. Захлебываясь, зачастил пулемет. И опять все замерло.

Окаемов не мог заснуть. День был трудный, и завтра трудный день. Но веки никак не закрываются, глаза что-то ищут в темноте. Бессонница на войне — невольная роскошь. И все-таки мысли возвращаются назад, к тем дням, когда не рвались бомбы на родной земле и вражеские танки не калечили березовый ситец подмосковных рощ...

Шестнадцатилетним паренком в трудном 1921 году начал он зарабатывать себе на хлеб, хотя его мог прокормить и отец. Но отец был священник, и Александр ушел из семьи. Помощник машиниста поступил в консерваторию. Потом — работа в экспериментальной студии, Радиокomitee, филармония...

...Вспомнилось, как уходил на фронт.

У Краснопресненской заставы в здании школы — сборный пункт. Здесь уже Лузенин, Дьяков, Ютанов, Шотниев... Последние слова прощания, музыка, цветы. В это жаркое июльское утро Окаемов особенно остро почувствовал великую ответственность солдата за судьбы Родины, столицы, близких и дорогих людей.

Осенью Краснопресненская дивизия стояла под Москвой. Окаемов был тогда художественным руководителем ансамбля песни и пляски, который создали в соединении артисты консерватории. Пока дивизия не принимала участия в боях, они давали концерты. По делам ансамбля Окаемов приезжал в Москву.

Под его шапками гулко стучал асфальт тротуаров. Крест-накрест заклеенные окна. Озабоченные, изменившиеся лица москвичей. Толпы у газетных киосков.

На лестнице в филармонии он столкнулся с Чернецким. Увидев Окаевова в гимнастерке и обмотках, главный дирижер Красной Армии недоверчиво сощурил глаза:

— Александр Иванович, куда вы больше не отлучаетесь?

— Да все о шестеренке... Так они познакомились с Николаем Кулешовым.

Мысль о победе не давала покоя всем трем. Мысль о победе жила в сердцах тысяч других пленных. А сияя лента бора виднелась совсем недалеко. Но между бором и измученными, обреченными на смерть людьми стояли ряды проволоки и караульные вышки. Каждый, кто приближался к проволоке, отраждавшей лагерь, падал, срезанный автоматной очередью. И все же друзья искали пути на волю.

Спасение пришло неожиданно. В лагерь явился бургомистр Кричева и стал отбирать наиболее здоровых пленных для тяжелых работ в городе.

Спусти несколько дней его примеру последовал и местный поп, выпрошавший разрешение набрать певчих для хора. В воскресенье — петь, шесть дней — работать. В эту группу попали Окаемов и Лузенин. Поп недоверчиво оглядел их и под охраной конвойных повел в город.

Считая разговор оконченным, главный дирижер спустился на несколько ступенек. Теперь Окаемов стоял выше его.

— Нет, Семен Александрович, — уверенно заговорил Окаемов. — Не переводите меня к себе. Я сам написался в ополчение, сам решил защищать Москву. Правда, у нас там концертный ансамбль, но это для нас — общественная нагрузка, самодеятельность, а главное — мы солдаты.

— Да никто не имеет права, — взорвался генерал, — рисковать жизнью такого певца. Вы — Окаемов. И в ансамбле вы принесете куда больше пользы, чем на передовой. Вы стрелять-то хоть умеете?

...Возвращаясь в часть, Окаемов вспомнил слова генерала и улыбнулся. Он действительно еще не освоил оружия. Надо будет попросить командира...

II.

СТОЯЛИ сырые, холодные октябрьские дни. Близилась зима. Дни и ночи не смолкала канонада по всему фронту. Дрожала измученная, изъязвленная черными воронками земля.

Машина мчалась по извилистой ленте шоссе. Артисты ансамбля выступали в подразделениях на передовой. Последний концерт шел под аккомпанемент выстрелов. Началась бой.

На полном ходу грузовик влетел в незнакомую деревню. Вдруг резкий окрик: «Халт!» Машина рванулась вперед. Выстрел, еще один. Водитель до предела вдавил педаль акселератора. Было ясно — немцы заняли село. Машина выехала на главную улицу, резко повернула и со всего ходу повалилась набок. Выстрелы и звук лопнувшего баллона слились воедино.

Окаемов услышал стоны. Его отбросило от машины на несколько метров. Сделал усилие, поднялся — и в этот момент страшный удар опрокинул его на землю.

и тифа. По углам вереницы саней вывозили трупы к огромному рву. Для 18 тысяч человек он стал могилкой.

Пленные должны были восстанавливать Кричевский цементный завод, близ которого расположился лагерь. Но проходили месяцы, а гигантская заводская труба по-прежнему не дымилась. Портилось оборудование, исчезали ценные части машин. Враг не получал цемента, нужного ему для того, чтобы строить линии укреплений.

Вот в этот Кричевский лагерь смерти и попали в конце 1941 года Окаемов и Лузенин.

Прикрывая друг друга от надсмотрщика, друзья осторожно снимали с отремонтированной машины шестерню. Теперь нужно сбить хотя бы один из зубьев и поставить шестерню на место. Оглянувшись, Лузенин встретился с пристальным взглядом тут же отвернувшегося человека. Лузенин толкнул Александра: «Следят».

День прошел в тревожном ожидании ареста. Но их никто не трогал. Вечером друзья опять столкнулись с этим человеком. Его голубые глаза смотрели так же пристально.

— Нужно осторожнее, — тихо сказал он Лузенину.

— Вы о чем?

— Да все о шестеренке... Так они познакомились с Николаем Кулешовым.

Мысль о победе не давала покоя всем трем. Мысль о победе жила в сердцах тысяч других пленных. А сияя лента бора виднелась совсем недалеко. Но между бором и измученными, обреченными на смерть людьми стояли ряды проволоки и караульные вышки. Каждый, кто приближался к проволоке, отраждавшей лагерь, падал, срезанный автоматной очередью. И все же друзья искали пути на волю.

Спасение пришло неожиданно. В лагерь явился бургомистр Кричева и стал отбирать наиболее здоровых пленных для тяжелых работ в городе.

Спусти несколько дней его примеру последовал и местный поп, выпрошавший разрешение набрать певчих для хора. В воскресенье — петь, шесть дней — работать. В эту группу попали Окаемов и Лузенин. Поп недоверчиво оглядел их и под охраной конвойных повел в город.

IV.

ЧЕРЕЗ эти ворота выносили лишь мертвых. И вот они прошли через них живыми. Впереди — свобода, свобода пленных, но все-таки свобода.

Их поселили в маленькой хате на Замковой горе. С утра и до ночи артистов заставляли работать: пилить дрова, возить воду, чистить дороги.

По воскресеньям они должны были петь в церкви псалмы. Лузенин дирижировал хором. Десяток людей, в основном из молодежи, входил в этот странный музыкальный коллектив. Лузенин и Окаемов присматривались к ним. Они поняли, что молодежь тянется в хор, потому что тут осталось что-то свое, национальное, хотя бы язык молитв. Друзья знали, что не молитвы нужны этим людям.

Артистам доверяли. В городе знали, что они из столицы. Их так и называли — москвичи. Каждая буднично оброненная ими фраза — «когда вернутся наши», «когда победим» — отзывалась в молодых, подчас испуганных глазах таким ясным светом, который был красноречивее всяких слов. Это была опора, люди, которые могли поддержать, помочь. Но не было людей, которые могли бы организовать, направить движение. Артисты не знали, где они, где их нужно искать.

Бездействие томило, тяжелая работа и псалмы доводили до отчаяния. Как связаться с партизанами? Уйти в лес? Но за спиной — невинные жертвы, заложники, которых расстреляют, если пленные уйдут. И они решили найти свое место здесь, в этом оккупированном городе, кишевшем агентами гестапо, СД, СС, фельдхандармерии и прочих карательных служб.

она стоял перед ним, в его осязании: широкоплечий, спокойно улыбающийся Окаемов и нахмурившийся, терпящий рыжью шевелюру Лузенин.

— Вы артисты, интеллигентные люди, — мягко говорил бургомистр, — вам не пристало заниматься физическим трудом. Немцы ценят культуру, вы легко найдете общий язык. Прекрасная жизнь перед вами. И я хочу помочь вам... Вы должны работать в управе, господа!

И опять бургомистр видел перед собой безразличные, непонимающие лица:

— Мы ведь с канцелярской работой не знакомы. Какая от нас польза в управе?

И под конец:

— Ну, мы еще подумаем.

Эта мысль пришла в голову сразу обним. А что если попробовать?

Через несколько дней они сами явились к бургомистру. Старый, тучный предатель победно смотрел на них.

— В управе мы действительно работать не сможем. А вот если позовите, хор, самодеятельность мы бы организовали. Можем дать концерт для офицеров, если хотите.

Тяжелый взгляд бургомистра устался на артистов.

— Хор? Управы не подходит? Концерт? Для офицеров? Ну что же, пускай, только смотрите у меня. Но работать будете, как и прежде.

В самостоятельный хор набралось много народу. Разучили несколько песен. Выступили перед офицерами. Потом еще раз. Наконец, получили разрешение дать концерт для жителей Кричева.

...Лузенин осторожно выглянул из-за занавеса: немцев мало, а главное — нет полицаяв и прочих предателей.

Хор спел несколько песен. Потом Лузенин сел за рояль, Окаемов в ватнике и обмотках вышел на сцену. Он тихо, точно самому себе, сказал: «Ария Игоря» — и запел. Его голос сотрясал маленький зал: «О дайте, дайте мне свободу... я Русь от недруга опасаю...».

Расцвели, а потом становились жесткими и решительными лица, туманились слезами глаза, а в глубине их горел огонь, предвещающий пожар.

А Окаемов шел арию Сусанина, «Эй, ухнем», «Ермака». Он знал, что никогда еще его песни не были так нужны людям, что никогда еще не владел он сердцами своих слушателей так, как на этом концерте. А люди слышали в его голосе страстный призыв Родины и думали о том, что они могут сделать для нее в этот трудный час. Это был концерт-исповедь, это был концерт-звлята.

V.

СЕКРЕТАРЬ подпольного райкома Ревуцкий внимательно слушал Гавриленко. Комиссар партизанского отряда докладывал о положении в Кричеве. Несколько дней назад представитель райкома в городе коммунист Матвей Каинов связался с офицером Красной Армии Кулешовым, которого через своих людей в управе удалось освободить из лагеря. Кулешов сказал Каинову, что, кроме него, можно привлечь к активной работе двух московских артистов — Окаевова и Лузенина.

Ревуцкий молчал. Он уже не впервые слышал об артистах. Секретарь райкома имел сведения о том, что они занимаются агитацией и ищут связь с партизанами. «Так вот зачем они пошли в хор, — думал Ревуцкий. — Кружок самодеятельности, народные песни... Молодые ребята!».

Он встал. Его большая, грузная фигура возвышалась над остальными.

— Связь с артистами буду держать лично через Толкачеву. А ты свяжись с ними через Каинова и Кулешову. Соблюдайте конспирацию. Кроме Каинова, никто из подпольщиков не должен знать, что артисты с нами. Они и так на виду.

И, прощаясь с Гавриленко, добавил:

— А это ты очень правильно ска-

нул. Через несколько минут Маруся вернулась.

— У искусства много жанров, но главный сейчас — вот этот. — И она протянула артистам сверток. Окаемов развернул его и прочитал: «Дорогие товарищи! Советские граждане! Фашистские захватчики терпят одно сокрушительное поражение за другим. Красная Армия наносит удары по врагу, и наш долг — всеми силами помогать материальной помощи Родине в ее борьбе с Гитлером и его бандитами...».

Окаемов внимательно посмотрел на Марию, потом на Кулешову и Лузенина...

— Листовки нужно распространять в церкви и на базарной площади, — тихо, но твердо сказала девушка.

— Чье поручение? — быстро спросил Александр Иванович.

— Тех, кто имеет на это право, — скупо ответила Мария.

— Но мы... — начал было Лузенин, привычным жестом лохматая огненно-рыжие волосы.

— Вы — москвичи, и на вас смотрят многие. Мы верим вам.

Листовки появлялись в церкви и на базаре, кто-то расклеивал их на заборах, кто-то занес их даже в лагерь военнопленных. Окаемов и Лузенин чувствовали, что немало людей, кроме них, ведут борьбу. Барателли сбавились с ног в поисках подпольщиков. Но никто не думал, что хрупкая девушка из немецкой комендатуры и двое пленных артистов и есть те люди, которых ищут фашисты.

...Лузенин дождался, пока старики ушли из хаты. Он притворился за ними дверь и несколько секунд, стараясь не дышать, прислушивался к пропадающим вдали шагам.

— Можно, — обернулся он к Окаевову.

Александр повернул выключатель и, наткнувшись в темноте на стулья, стал занавешивать окна.

— Все в порядке.

Лузенин включил свет.

— Лавос прикрой плотнее, оно на косогор выходит, ого, как когтер в поле, издали видно.

Сидя на корточках, друзья долго копались в каком-то продолговатом, непонятного цвета ящике. Наконец, он замигал тусклым светом, захрипел и вдруг заговорил отчетливо и неторопливо: «От Советского Информбюро...».

Диктор читал сводку, а в маленькой белоруской избушке два карандаша лихорадочно заносили на клочки бумаги его слова. Это была правда, которая так нужна была людям.

Закончилась передача, уже пробило куранты и прозвучала торжественная музыка «Интернационала», а артисты все стояли перед радиоприемником, который говорил по-русски.

И вдруг Лузенин услышал, что Окаемов поет. Он обернулся к другу, встряхнул его за плечи и, только увидев остановившиеся глаза Александра, понял, что происходит. Окаемов молчал, а по его обветренной щеке медленно сползала большая одинокая слеза.

Да, это была одна из его последних записей.

Он отчетливо, до мелочей помнил этот день. Веселые лучи солнца заливали светом асфальтовые панели, играли на лаке автомашин, светились в глазах, а Александру казалось, что прохождение улыбаются ему. Очень хотелось, чтобы все улыбалось, и хотелось каждому сказать что-то хорошее, потому что самому было очень хорошо! Его еще никогда не называли «папа», и он не привык к этому слову. Он еще никогда не видел своей дочки и не знал, какая она, но почему-то думал, что она обязательно скажет: «Папа пришел», хотя и жила на свете лишь первый день. А вечером ольнявший от поздравлений, шампанского, детских игрушек Окаемов записывал на радио новую, впервые звучащую песню о Родине.

Он чувствовал аромат ее полей, тенистую про-

складный пак — кусок хлеба из желудей — не тяготили их теперь. Все мысли, все чувства артистов были подчинены борьбе. Они знали, как велика опасность, грозившие им, и смело шли навстречу этим опасностям. Они слышали гром приближающейся канонады и знали, что сумеют достойно встретить освободителей.

VII.

РЕЗКИЙ окрик нарушил тишину ночи:

— Отворяй!

Голос не оставлял сомнений в решительности приказа. Сонная старуха, кряхтя, сползла с печи и заковыляла в сени.

— Шнелль, отворяй! — неслись злобные крики из-за ходившей ходуном двери.

Старуха откинула занавес. В хату ворвались несколько офицеров. Окаемов не успел подняться, как получил удар рукояткой нагайна.

— Вставай! — прокричал по-немецки офицер. Окаемов оглянулся, судорожно сжал кулаки. Выхода не было. И тогда он стал спокоен и нетороплив.

Перепуганная старуха стояла, прижимаясь к печи, готовая заголохнуть.

— Не надо, — мягко сказал Лузенин, — не надо. Мы скоро вернемся.

— Варежки-то хоть возьми, соколик, — не выдержала старуха. — Мороз ведь.

Будто на прогулку, спокойно вышли они из хаты. Автоматы уперлись в спины. Их привели в гестапо.

...Бетонные стены, бетонный пол, железная решетка на щели под потолком. Два метра туда; два метра обратно. Но и этого слишком много. Окаемов не может двигаться. Шумит в ушах, плотная пелена стоит перед глазами. Тело почернело от побоев, выбиты зубы, вывихнута рука. Он не помнит, как его пытали, или не хочет вспоминать...

«Папа, где ты? Когда ты вернешься? Мы ждем тебя», — где-то рядом Окаемов слышит этот голос и хочет протянуть навстречу ему руки. Но руки не слушаются. «Пусть он поспит, — слышится другой голос, — ему нужен отдых, вечером концерт». И вдруг крик: «Что с тобой, почему ты молчишь? Убили...».

Он открыл глаза и, не видя перед собой ничего, кроме мутной пелены, проговорил изурованным ртом:

— Нет, я еще жив. Я еще буду жить!..

Бетонные стены, бетонный пол, железная решетка на щели под потолком. В густых волосах Лузенина запеклась кровь. Он поднялся, сделал шаг и снова повалился на пол. Потом подполз к стене и начал выстукивать.

Кулешов, Каинов и еще несколько подпольщиков, сидевшие в соседней камере, уже знали об аресте артистов. Николай терпелся в догадках. Его, как и остальных, предал провокатор Макаренко. Но негодяй не знал о связи артистов с ними. Почему же всех арестовали в одну и ту же ночь? Может быть, это простая случайность?

С артистами удалось «перестучаться», и хотя Окаемов и Лузенин сидели в одиночных камерах, они чувствовали рядом друзей.

Подпольщики, оставшиеся на воле, решили устроить побег заключенных. Двенадцатилетний мальчу-

Наконец, часть ушла. Снова сгинула: «Приготовиться к побегу». Вечер 19 февраля 1943 года. Сбиты замки. Сняты часовые. Кулешов ворвался к москвичам, которых после последнего допроса бросили в одну камеру.

Нет времени на дружеские объятия. Только стиснутые до боли пальцы рук.

— Бежим, друзья!

Окаемов приподнялся на локте. — Счастливо, товарищи! Бегите. Вы спасетесь. А моя песня уже спета. Из-за меня погибнете вы. Прощайте!

Лузенин в упор посмотрел на Кулешову.

Г. П. Лузенин.

— Я тоже не ходок. Дальше ста метров не уйду. И Александра бросать не хочу. Вместе жили, вместе умирать. Торопитесь, друзья.

Несколько минут длилась перестрелка. Почти всем удалось уйти. Только тяжелораненый Кулешов вновь попал в руки гестаповцев.

Пригорок. Ров. Смерть смотрела на них черными стволами автоматов. Поддерживая друг друга, Окаемов и Лузенин встали у края своей будущей могилы и повернулись лицом к палачам. Где-то рядом в сторону столицы уходило Московско-Варшавское шоссе. Эсэсовцы, покуривая, готовились к расстрелу.

И тогда, собрав последние силы, Окаемов зашел:

— Орленок, орленок, блесни опереньем,

Собою затми белый свет.

Не хочется думать о смерти,

поверь мне,

В шестнадцать мальчишеских лет...

Когда-то Окаемов первым исполнил «Орленка», а теперь он стал его последней песней.

— Прощай, жизнь, прощай, Родина! — крикнул Лузенин.

Прогремел залп.

ПОШЛО много лет. Но незабвенны имена героев, которые в тяжелую годину народно-го бедствия молодость свою, силы свои, жизнь свою, не задумываясь, отдали Родине.

В центре Кричева, в парке, названном в честь 40-летия Советской Белоруссии, стоит памятник. Здесь в братской могиле похоронили в прошлом году останки Окаевова и Лузенина.

М. МЕЛЬНИКОВ, краевед.

В. БОНЧ-БРУЕВИЧ, наш. спец. корр.

Кричев — Москва.

